

Николай Югаев

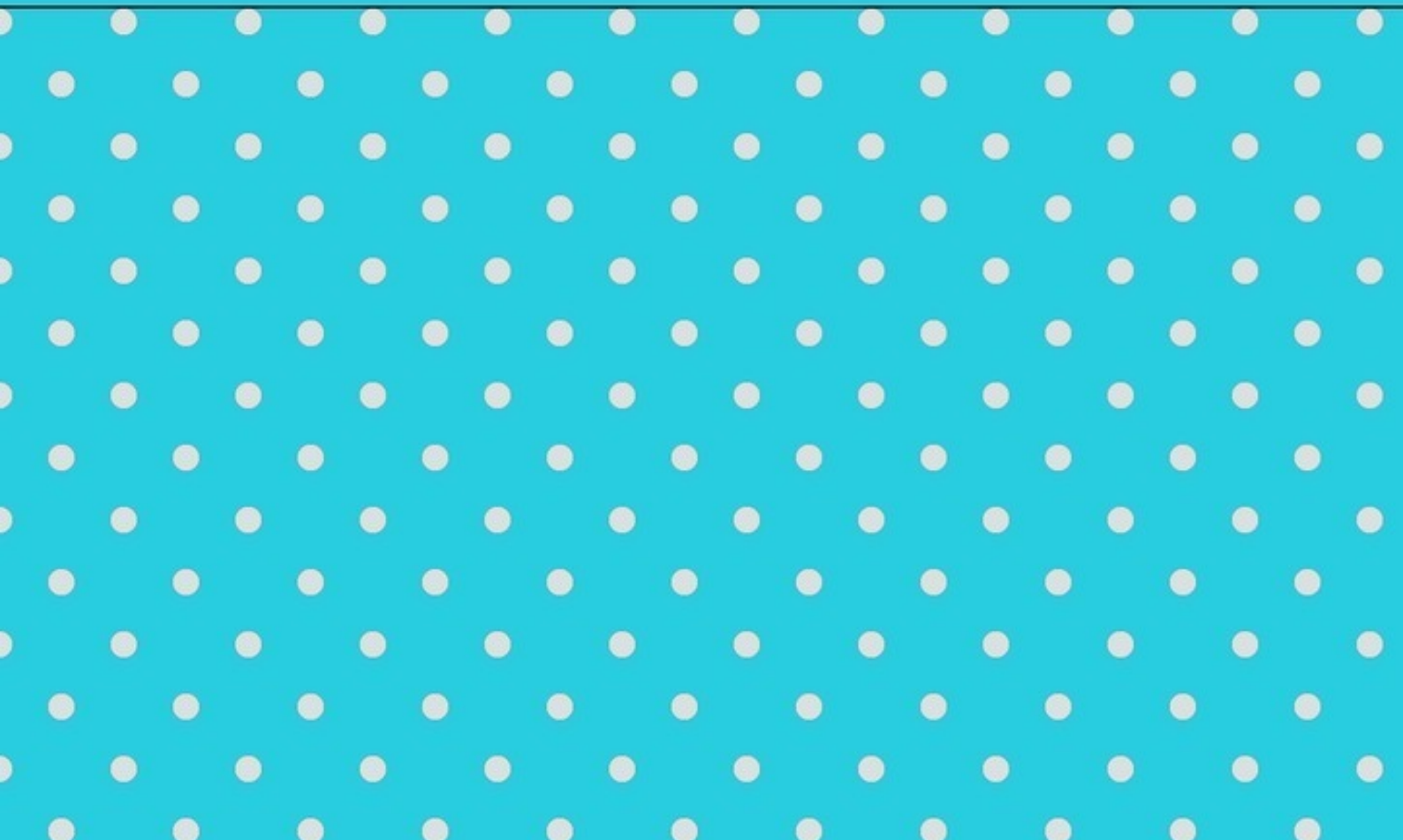
---

*Ходовые
испытания*

сборник рассказов

Николай Югаев

**Ходовые испытания.
сборник рассказов**

«Издательские решения»

Югаев Н.

Ходовые испытания. сборник рассказов / Н. Югаев —
«Издательские решения»,

Рассказ «Ходовые испытания» в основе своей это автобиографическая вещь, она рассказывает о жизни моряков- подводников, жизни трудной, связанной с риском, с опасностью. Мы знакомимся с героями в момент аварии на подводной лодке. Авария проверяет на прочность каждого моряка и высвечивает все хорошее и плохое. Подлинность отличает все рассказы сборника, и они пронизаны любовью. Автор считает главным в жизни: любовь, доброту, верность, умение прощать.

© Югаев Н.

© Издательские решения

Содержание

Батя	6
Виола	15
1	22
2	26
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Ходовые испытания
сборник рассказов
Николай Югаев**

© Николай Югаев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Батя

Дорога вилась змейкой, то полого поднимаясь, то круто спускаясь. Красота прибайкальской природы за окном автобуса поражала своим летним великолепием. Много раз мне доводилось наблюдать эту красоту, и каждый раз я приходил в восторг от увиденного. Сегодня же, насладившись всем этим, я задумался о нашей людской жизни. Есть в ней, как и в природе, стадии: рождения, пышноцветия, осеннего золотого осыпания и умирания, но, верно, только в этом и сходство. «Человеческая жизнь гораздо длиннее периода циклической смены года и динамичнее, но несопоставимо короче жизни природы, – философствовал я. – Потому скорость, с которой проносится жизнь человека, не позволяет ему на стремительном бегу осмыслить, правильно ли он живет. А когда бег в меру здоровья становится медленным и приходит время воспоминаний, то ничего уже невозможно изменить, поправить. И счастливы те, кто выбрал правильный путь, хотя об этом могут судить только их потомки», – такие грустные мысли пришли ко мне в этот раз.

В автобусе, утомившись от созерцания несущихся навстречу и исчезающих за окном успокаивающих своей зеленью картин природы, одни пассажиры задремали, покачиваясь в такт неровностям дороги, другие пытались поговорить с соседом, чтобы скоротать время поездки. Дальняя поездка всегда располагает пассажиров к откровению, поэтому иногда незнакомому человеку можно излить то, что наболело в душе, чем не всегда можно поделиться с родными и близкими.

– Батя, далеко едешь? – внезапно спросил мой сосед, паренек лет пятнадцати, с синими наколками на пальцах и настороженным острым взглядом. Это бросилось мне в глаза еще при посадке в автобус, когда наши места оказались рядом.

Я назвал деревушку и с любопытством взглянув на паренька. В его обращении «Батя», мне показалось, прозвучали какие-то блатные нотки. Для меня же в этом слове всегда было что-то магическое. В этом коротком обращении в моей юности звучало не только уважение, но и чувствовался трепет, как у верующего перед священником.

– А я вот домой возвращаюсь, только что откинулся. Мать уже задалась, пишет: «Все слезы выплакала», да брат и сестра тоже ждут. Надеются на мою помощь! – продолжил разговор паренек. Он усмехнулся, и в этой усмешке была едва скрываемая детская гордость за себя.

– Куда откинулся-то? – не понял я.

– Да из лагеря еду, – пояснил он, по-прежнему улыбаясь.

– Пионерского, что ли? – растерявшись, удивленно спросил я.

– Ты что, дядя, издеваешься? – бросил он раздраженно. – Сидел я, наказание отбывал!

Понял?

– Понял... За что сидел-то? – сконфуженно и миролюбиво поинтересовался я, надеясь услышать – «за хулиганство».

– Да за грабеж, – ответил он уже спокойно, будто это был небольшой проступок. – Дурак был... вот и попался.

От этих слов и будничного тона его голоса, в котором не чувствовалось раскаяния, я инстинктивно чуть отодвинулся. Заметив это и то, как переменилось мое лицо, он сказал вызывающе:

– Вот вы все такие. Верно мне кореша говорили... словно, кто освобождаются оттуда, все – нелюди. – Он замолчал, гася раздражение, и, успокоившись, вдруг предложил: – Батя давай я тебе расскажу, как туда попал, – он с надеждой заглянул мне в глаза.

– Если думаешь, что я тебя буду жалеть, то ошибаешься, – сказал я сурово.

– Нужна мне, Батя, твоя жалость! Я и сам-то себя не жалею. Мне просто хочется понять, почему люди живут по звериным законам. – В его голосе послышалось ожесточение, смешан-

ное с болью. – Ты думаешь, я действительно безжалостный грабитель? – спросил он и, не дожидаясь моего ответа, продолжил, – нет, я не грабитель, но случай так распорядился, что мне пришлось взять на себя чужую вину.

– Как это могло случиться? – спросил я недоверчиво.

Тогда он и рассказал мне свою бесхитростную историю. Ему было 14 лет, когда погиб отец. Погиб нелепо, пьяным возвращаясь после застолья с друзьями домой. «Он просто замерз почти у дома», – прошептал мой сосед, передернувшись, словно и его пронзил холод.

Семья, а их было у матери трое, осталась без денег, которые все потратили на похороны. Он был старший из детей, и необходимо было прокормить всех, так как для матери в те лихие годы не было работы. «Нет, я не пошел воровать, – быстро проговорил он, желая опередить мои мысли. – Я работал за копейки, помогая соседям по хозяйству, у которых тоже не густо было с деньгами. Но однажды...» – но тут автобус замедлил ход и остановился на вершине одного из подъемов, и пассажиры вышли отдохнуть, размять ноги и полюбоваться красотой и величественностью гор. А горы, нагромождаясь друг на друга, уходили в даль до горизонта, одни одетые в зеленую шубу лесов, другие, высокие скалистые, изредка покрытые небольшой растительностью, подчеркивающей причудливые очертания их отрогов. Было что-то возвышенное в этой картине. Пассажиры выходили и первую минуту стояли, как замороженные, пока их не вернул к действительности голос водителя:

– Давайте, женщины направо, мужики налево! – весело скомандовал он. – А то дорога еще дальняя.

– Вот так всегда, – выкрикнула молодая дородная женщина. – Как мужики... так только налево.

– Дак ить мы ж мужики! – захохотал мужичонка небольшого роста, все лицо которого было испещрено мелкими морщинами, оттого ли, что часто смеялся, или по другой причине.

– Кобеля вы, а не мужики. Настрагаете детей – и в сторону.

– Дак мы ить не виноваты, что вас так много и каждой дитя охота, – ответил мужичонка, не смущаясь.

Женщины, добродушно ворча, удалились за густо поросшие невдалеке от дороги кусты. Мы с соседом тоже вышли. Он отошел к растущей у дороги березе и спиной прижался к ней, сзади обхватив ее ствол, и мне показалось что он, поглаживая ее, что-то шептал. Заметив мой взгляд, он почему-то смутился, будто бы его уличили в чем-то постыдном, и стремительно пошел вслед за мужиками. Такое его поведение удивило меня. «Что же могло произойти с этим парнем, почему он скрывает свои чувства, которые пробиваются наружу как первые ростки оживающей после долгой зимы природы?» – подумал я. Когда автобус вновь тронулся, я уже с интересом ждал продолжения его рассказа. Но он почему-то не спешил. Я задремал.

– Батя, – услышал я сквозь дремоту.

В этот раз по голосу я ощутил тот самый смысл, который вкладывали мы когда-то, произнося это слово. И вновь вспомнилось то далекое и так волнующее мою душу время. Я впервые увидел Его, когда поступал в училище, собравшее под свою крышу подавляющее большинство детдомовцев и детей «матерей-одиночек», так называли тех, у кого не сложилось семейное счастье. И нас, этих детей потенциально готовых пополнить ряды преступников, расталкивали по всем училищам, чтобы перевоспитать и обучить рабочим профессиям.

– Батя! Ты спишь? – вновь обратился ко мне сосед, прервав мои воспоминания.

Я открыл глаза и оглянулся. В автобусе все почти спали. Я взглянул на соседа. По лицу, обращенному ко мне, по доверчивому взгляду карих глаз я понял, что моему соседу не терпится поделиться всем, что накопилось у него в душе последние годы, услышать ответы на волнующие его вопросы.

– Я слушаю тебя. Мне очень интересно узнать, что же произошло с тобой дальше, – произнес я как можно мягче.

Он с благодарностью посмотрел на меня и продолжил рассказ:

– Однажды я встретил молодого парня, который отнесся к моим бедам с пониманием и одолжил мне денег без всяких условий. Мать же, обеспокоенная такой суммой денег, спросила: «А не украл ли ты их?». Я успокоил её, сказал я взял эти деньги в долг. На них мы смогли собрать младшего в школу. Ты бы, Батя, видел, как он был рад! На остальные деньги и те нищенские, что получала на нас мать от государства, мы протянули ещё месяца три. О своей учебе я уже и не думал, нужно было снова искать приработок. Слоняясь в поисках работы, я снова повстречал того парня, звали его Василий. Отнесся он ко мне приветливо. «Знаешь, – сказал он мне, – заняли одному „козлу“ деньги, а он отдавать не хочет. Поможешь нам?». Я удивился, чем же могу помочь? «Ты будешь сидеть в машине, а увидишь „ментов“, – посигналь нам», – произнес он заговорщицки и подмигнул мне с дружеской улыбкой. Мне это показалось интересным, я даже представил себя разведчиком, как в книгах, которые я любил читать. Короче, я выполнил его просьбу и оказался в КПЗ, как их «подельник». Оказалось, что по моему сигналу они успели скрыться, захватив отнятые под пыткой деньги бизнесмена. И этот грабеж был у них не первый...

Следователи всячески старались выбить признание, что я был членом этой банды, но я видел лишь одного из них и даже не знал, как зовут второго. Там, в КПЗ, впервые ощутил я звериные повадки людей. Мама мне всегда говорила, что на все происходящее воля Божья, но после того, что произошло далее со мной, я убедился – не от Бога исходит вся несправедливость и жестокость, а от людей. Четыре года в спецшколе я отбыл от звонка до звонка, так как не позволял себя унижать ни начальству, ни другим. А сколько раз я сидел из-за этого в карцере... – он умолк.

– Да, не повезло тебе встретиться с хорошими людьми, – промолвил я сочувственно, еще не вполне доверяя его рассказу. – А что, неужели не было никого, кто был бы честен и относился сострадательно к воспитанникам?

– Да встречались единицы. Только они ничего сделать не могли.

Он снова замолчал, лишь напряженные скулы да сжатые кулаки говорили о сильном возбуждении. Но вот оно улеглось, и он впал в задумчивость. Я ни единым движением не хотел помешать ему. Мне подумалось, что, рассказав, о себе, он снял с души груз, давившей её, и сейчас в ней, возможно, произойдут какие-то перемены, и они будут благотворны.

Автобус плавно покачивало. Я задремал, но вновь услышал его голос:

– Зато, я за это время окончил школу и получил специальность. Авось не пропаду и семье помогу! – неожиданно сказал он и с гордостью протянул мне свои документы.

Я с интересом стал рассматривать их. В аттестате были почти сплошь пятерки, а свидетельство о профессии гласило, что он электросварщик 3 разряда. Это рассеяло последние сомнения в достоверности его рассказа. Я узнал, как зовут моего собеседника.

– Аркаша, – как можно мягче произнес я его имя. От неожиданности он резко повернул голову в мою сторону. – А какие у тебя планы на будущее?

– Будущее... Батя, а что такое жизнь, какой в ней смысл? – спросил он, вдруг не ответив на мой вопрос, взволновано продолжил. – Кто поможет мне найти ответ?

– Обратись к Богу, сынок. Он Всемогущ и Милостив, – внезапно произнесла женщина, сидящая впереди нас и видимо внимательно прислушивающаяся к нашему неспешному и негромкому разговору. Она повернула голову к нам, и её добрые глаза, обращенные на Аркадия, светились нежностью и материнской любовью.

– Мать, вот ты говоришь, Он – всемогущ, а почему же тогда на земле столько страдающих людей? Ведь в его же силе помочь им.

– А потому, сынок, что на нас всех лежит первородный грех наших прародителей, сынок!

– Мать, но если мы все греховны, значит и страдать должны одинаково?! – живо воскликнул Аркадий и чуть подождав, сам ответил: – на самом же деле одни страдают всю жизнь,

а другие живут, не заботясь ни о чем. Об этом я думал, отбывая наказание. Нет, мать, ты не права... Да и на все мои обращения к Нему – он всегда молчал. А мне обязательно надо было знать, в чем смысл жизни. Наверно, из-за незнания его и появляются те негодяи, что творят несправедливость. А я, мать, боюсь, что к той несправедливости, что наполняет мир, может прибавиться и моя злоба... Батя, я прав? – обратился он ко мне, когда, услышав столь горячий монолог, женщина, поджав губы, отчего ее лицо стало похоже на лицо обиженного ребенка, отвернулась.

Я понял, что для неё такой вопрос никогда не возникал. Воспитанная в семье, где была бабушка, веру которой не могли поколебать ни атеистическая пропаганда, ни насмешки комсомольцев, наша соседка, видимо, никогда не сомневалась в присутствии Господа в жизни людей. «Вера не нуждается в доказательстве, – подумалось мне, – этому страдающему душой пареньку нужен был такой ответ, который подтверждался бы реальностью. А эта милая добрая женщина дать его не могла».

Я взглянул на раскрасневшееся от волнения лицо Аркаши и вспомнил себя в его годы и постарше, когда, выполнив очередные намеченные большие цели, я останавливался, как бы на перепутье, и всегда передо мной вставал такой же вопрос. Я мучился, стараясь найти ответ, но тут появлялась следующая цель, и вопрос, оставшийся без ответа, вновь покидал меня. И только уже в зрелом возрасте я понял, в чём была моя ошибка, и это прозрение было связано с жизнью Бати.

– Я не могу однозначно ответить на этот непростой вопрос, Аркаша, – произнес я, после небольшой паузы, – но поведаю, как ответил на него один мудрый человек. – Сосед с детским любопытством взглянул на меня, а я продолжил: – Он сказал: «Смысл жизни – вне ее пределов. Внутри самой жизни мы ее смысл никак не обнаружим. Мы сможем понять смысл только наших отдельных дел и житейских событий».

– Что-то, Батя, ты уж очень мудрено говоришь, а потому непонятно, – смущенно улыбаясь, проговорил Аркаша.

– Что ж, ты прав. Я и сам так вначале думал, пока не стал понимать смысл этих слов. Будем вместе разбираться? – спросил я. В знак согласия он кивнул, и я продолжил: – Слово «жизнь» имеет много понятий, но мы коснемся лишь одного, которое тебя сейчас больше всего волнует. Жизнь – это поступок. Вот чтобы понять смысл поступка, нужно выйти за его пределы. Внутри него мы можем понять только смысл его отдельных частей. Например, твой арест был вызван твоим поступком, ведь ты предупредил преступников, но далее никто (следователи, судьи) не хотели выйти за его пределы. Так и смысл жизни, он вне пределов этой жизни. Внутри нее мы можем понять только смысл ее отдельных частей.

– Теперь понял. Но мне-то хочется, чтобы моя жизнь всегда имела смысл! – воскликнул Аркадий, в его голосе я почувствовал нетерпение

– А вот для этого нужно иметь большую цель, – ответил я, улыбнувшись. – Так сказал тот мудрец! Потому что это трагедия, когда цель достигается при жизни, но она оказывается мелкой, тогда жизнь теряет смысл.

– Что же это может быть за цель? – задал вопрос Аркадий, стараясь внимательно вслушаться в каждое моё слово.

– Я расскажу тебе историю, которая, я думаю, поможет объяснить это. Мальчик заблудился в лесу. Он не знал, что делать и куда идти. Начал даже плакать. Но потом взял себя в руки, набрался храбрости, забрался на большое дерево и увидел свой путь. Где нам найти такое дерево, чтобы не плутать в жизни? Такое дерево есть. Это наша большая цель, но она должна быть действительно большой, как это дерево. А значит, лежать за пределами жизни. Большая цель – это цель, которую можно достичь, но только после смерти.

– Путь – это дорога, по которой нужно идти? – переспросил Аркаша.

– Нет, не совсем, – ответил я. – Здесь путь означает направление деятельности в жизни. И ты должен быть готов к тому, что, выбрав путь, ты уже не будешь хозяином своей судьбы. Теперь путь будет диктовать, что делать и чего не делать. Он будет управлять тобой.

– Что-то ты, Батя, меня совсем запутал! – сказал Аркаша смущенно. – Как это может быть? Как путь может управлять человеком? – недоверчиво спросил Аркаша

– Хорошо, хорошо, – сказал я торопливо. – Чтобы было понятно, я расскажу тебе о человеке, у которого были свои цель и путь.

Аркадий недоверчиво посмотрел на меня, но кивнул головой в знак согласия. И я начал рассказывать ему о Бате, который до сих пор является примером необыкновенного человека.

– Родился он на небольшой железнодорожной станции, в семье рабочих, – начал я. – После окончания семилетней школы он поступил в ФЗУ, так называлось фабрично-заводское училище и располагалось оно вдали от родного дома, на узловой станции. Там он выучился на токаря и начал работать в депо.

– Я тоже хотел поступить в ПТУ, да не успел, – огорченно вздохнув, проговорил Аркаша.

– А ты знаешь, что сказал, провожая его, отец? – продолжил я, заметив, как заинтересованно блеснули его глаза. – «Сынок, овладей специальностью так, чтобы ты умел выполнять те работы, которые другие выполнить не могут, и кусок хлеба тебе будет обеспечен». Помня наставление своего отца, уже через два года он становится высококлассным токарем. Но вот далее происходит что-то странное. Ему предлагают место мастера в ФЗУ, и он в течение одной ночи решает посвятить себя этой новой работе, оставляя то благополучие, которого он уже добился.

– Вы думаете, он в эту ночь поставил перед собой цель и с высоты ее увидел свой путь? – спросил сосед слева, давно уже прислушивающейся к нашему разговору.

– Вероятно, это так и было. Ведь, только этим можно объяснить то, что путь, на который он вступил на следующий день, управлял им всю его жизнь.

– Возможно ли это? – снова усомнился мужчина.

– Парадокс, но это так, – ответил я улыбаясь. – И продолжил: – Я встретился с ним, когда он уже работал директором училища, а я, побитый жизнью в свои пятнадцать лет, был отправлен сюда – учиться, чтобы получить среднее образование и освоить высококвалифицированную профессию. Так вот, встретил меня невысокий мужчина сорока с лишним лет в железнодорожном кителе, застегнутым на все пуговицы, и в широких, тщательно отглаженных брюках. Мне тогда сразу же бросился в глаза его суровый, даже мрачноватый вид, и взгляд черных пронизывающих глаз только усиливал это впечатление. Но как только он заговорил со мной, а в его глазах я заметил заинтересованность в моей судьбе, это впечатление ушло на второй план. Во время разговора он почти не улыбался и был немногословен, однако в его голосе я инстинктивно почувствовал что-то отеческое, незнакомое мне раньше.

– Что, учиться направили? – спросил он, взглянув на меня из-под нависших бровей.

Взгляд его черных как уголь глаз заставил меня съежиться. Видимо, заметив это, он улыбнулся отеческой ободряющей улыбкой.

– Родственники-то у тебя есть?

– Мать! – кивнув головой, тихо ответил я.

– Значит ты человек богатый. У моих ребят не у всех есть родители. – Он пылливо взглянул мне в глаза и строго спросил: – надеюсь, мне не придется ее огорчать?

Я в смущении промычал что-то нечленораздельное.

– Ну-ну, верю, не придется. Иди к мастеру, Иван Матвеевич зовут, он тебя определит.

Уже через час я знал, что все учащиеся между собой зовут директора – Батя. Кто-то когда-то впервые из детдомовских ребят так назвал его. И это слово звучало как высшее звание, которое могли присвоить эти хулиганистые, узнавшие жизнь с неприглядной стороны дети.

Интуитивно мы тогда чувствовали его необыкновенность, но не осознавали, что судьба свела нас с человеком, который имел свой путь...

А знаешь, Аркаша, только в зрелом возрасте я понял путь – великий управляющий! А также то, что тех, кто имеет большую цель, жизненные невзгоды не собьют с пути, а удачи и неудачи одинаково продвигают его вперед.

– Как это неудача может продвинуть вперед? – спросил недоуменно Аркадий.

– Ну, вот пример: допустим наш автобус набит пассажирами, а ты стоишь в середине автобуса и тебе пора выходить, но стоящие впереди тебя люди выходить не собираются. Что делать? Прикладывая невероятные усилия протискиваться вперед? Не факт, что это удастся. Но вот автобус тряхнуло несколько раз на плохой дороге. И ты смог подвинуться к выходу. Вывод: если жизнь трясет нас, мы можем продвинуться в ней. Конечно, когда знаем, где выход.

– Это правда, – вновь вмешался в разговор сосед слева с интеллигентным лицом, в очках с толстыми линзами в модной оправе. – Иногда думаешь: «опять откуда-то несчастье свалилось», а со временем понимаешь, что это было счастье, потому что позволило избежать больших неприятностей. Только я тоже не пойму, как путь может управлять человеком? Кстати, меня зовут Василий Иванович.

– А меня Юрий Гаврилович. Постараюсь объяснить, Василий Иванович, – ответил я, видя с какой жадностью впитывает каждое слово Аркадий. – Я уже говорил, что Батя, освоив профессию, стал первоклассным специалистом, но путь, по которому он пошел, требовал других знаний. Поэтому ему пришлось, без отрыва от работы, учась в вечернее время, окончить техникум, а затем педагогический институт. Это было трудно выполнить, так как он к тому времени был женат и у него родились дети, а квартиры не было и приходилось жить в домике, когда-то построенным в ограде училища для каких-то хозяйственных нужд. Но как я уже говорил, того, кто имеет большую цель, жизненные невзгоды не собьют с пути, а удачи и неудачи одинаково продвинут вперед. Вся наша жизнь была у него на виду, поэтому он всегда был в гуще наших дел. Порой хватало взгляда его глаз или его улыбки, чтобы изменить обстановку. Ему не нужно было лишний раз употреблять слова, такой уж внутренней энергией он обладал.

– Юрий Гаврилович, оказывается, всё так просто выходит! – впервые назвав меня по имени и отчеству, взволновано произнес Аркаша. – Кажется, я начал понимать. Человек, имеющий свой путь, может не бояться заблудиться в жизни, потому что этот путь им управляет. И ему не страшны неудачи. Так ведь?

Он впервые улыбнулся доброй открытой улыбкой, при этом, обнажив белые зубы, от чего его улыбка стала еще очаровательней.

– Именно так! – сказал я, любуясь его улыбкой и удивляясь тому, как четко и кратко сформулировал Аркадий то, что я так долго излагал.

– А может быть, такой путь и есть путь, predeterminedный Господом, и Он управляет человеком, идущим по этому пути! – опять вступила в разговор соседка, повернувшись к нам лицом, теперь освещенным слабым светом лампочек салона, давно уже включенных водителем, и я увидел ее настороженный взгляд, обращенный ко мне.

– Скорее всего, так и есть, – подтвердил я

– Ну, это спорный вывод, – возразил Василий Иванович. – Вы лучше скажите, чем еще особенным отличался ваш Батя от остальных людей.

– Если коротко, то мудростью и талантом управления.

– Можно поподробнее?! – попросил Василий Иванович.

Я взглянул на Аркадия. Он в ожидании смотрел на меня.

– Хорошо, – согласился я. – Вот лишь один из примеров. Как уже я говорил, были мы большей частью из детдомов в возрасте от двенадцати лет и старше, и в училище собирали нас по всей республике. Были среди нас и отъявленные хулиганы, только освободившись от которых директора детдомов смогли спокойно работать. Вот и в училище они почти с первых дней

начали нарушать дисциплину, сквернословить и бузить. Однажды нас построили на линейку, и Батя, вызвав из строя самого, казалось, неисправимого из нас, по кличке Буря, строго произнес: – «Вон из училища! Вернешься, когда тебе станет дорога наша Семья», – при этом глаза его сверкнули гневом, а через мгновение уже лучились добрым светом. Слово же «Семья» было произнесено им так, что каждый из нас почувствовал свою причастность к ней... Конечно, как в любой семье, тем более большой, среди нас случались и споры, переходящие в драки, которые продолжались до первого разбитого носа. Обо всем этом знал Батя, но по пустякам никогда не вмешивался, а разумные отношения всегда поощрял своей доброй улыбкой и отеческим словом. И старшие ребята, подражая ему, старались опекать младших, превращаясь в их братьев. Помню, с какой родительской добротой к нам относились даже работники столовой. Вечером, после ужина, а затем после занятий в спортивных секциях, мы вновь голодные бежали в закрытую столовую, чтобы утолить голод. И там обязательно дежурная давала нам хлеб, оставленный для нас поварами. До чего же он был сладок! А ведь как позже мы узнали, идею нас подкармливать высказал Батя, а потом помогал заведующей столовой, которой приходилось разными ухищрениями списывать перерасход хлеба. И во всем, что происходило хорошего в училище, чувствовалась забота о нас Бати.

Теплая волна воспоминаний подхватила меня и понесла в те годы, в наше шумное на переменах, а иногда и на уроках училище. Замелькали лица наших девчонок, таких же, как и мы, сирот, влившихся в большую Семью, главой которой был наш Батя. Многие из них были влюблены в него как в отца.

– Юрий Гаврилович, а что было дальше... с Бурей? – словно издали услышал я взволнованный голос Аркадия.

– С Бурей? – переспросил я, возвращаясь в реальность. – Да, Буря... У него имя было Николай. Через неделю он начал ходить на уроки, и в дальнейшем стал одним из лучших выпускников. Только через много лет, когда наш Батя уже закончил жизненный путь, Николай поведал нам, какой поединок в то время происходил между ними, так он думал в ту пору, и как он его проиграл. Но благодаря мудрости Бати он не обозлился на него и на весь мир. И самое главное, никто тогда не посчитал его проигравшим. Когда Николай рассказывал о том случае, у него вначале поблескивали глаза озорными огоньками, а в конце увлажнились. «Любой родитель, наказывая свое дитя, ему сочувствует, – говорил Николай. – А мы для Бати были его дети, и, произнося те грозные слова, он, конечно, жалел меня. Об этом мне рассказал Мишка, мой друг. На второй день после того случая Батя отозвал его в сторонку и, заговорщески поглядывая на него, спросил:

– Ну, как он себя чувствует, голодный, небось, ходит?

– Кто? – хитро скосив глаза и не желая подводить друга, ответил Мишка.

– Ну ладно. Вот что, я сказал заведующей столовой, чтобы она выдавала тебе сухой паёк для него. Только об этом молчок. Понял?

И Мишка выполнил его наказ и не рассказал мне о решении Бати пока я сидел без дела, шлялся по улице или прятался в общежитие, а он и дружки украдкой носили мне еду. Узнал я об этом только, когда вернулся в Семью.

Батя был мудрым человеком. Мудрость его, например, состояла в том, что он оставил мне приоткрытой дверь для возвращения. Ведь речь была не столько о том, что я должен исправить свое поведение, сколько о Семье, в которой я уже жил, но не понимал это. А жизнь в семье диктует свои правила. Только когда я это осознал, то понял, что возвращение позволяет мне сохранить самоуважение и надежду на уважение других. Значит, я не буду выглядеть побитым псом, что для меня значило в то время гораздо больше, чем голод и бездомность».

Как видите, хоть Батя и не был военным, но, как сказал наш товарищ по выпуску Володя Бондарев, дослужившийся до звания полковник, рассуждал он как полководец: «чтобы сломить сопротивление неприятеля, надо показать ему дорогу к жизни, иначе, не имея другого

выхода, он будет биться до смерти»... А вот еще один пример. Наш Батя был рачительным хозяином и тратил деньги училища только на необходимые вещи, которые нельзя было изготовить самим. В училище был духовой оркестр – гордость училища. Так вот, у ребят частенько терялись мундштуки от духовых инструментов, и он, встав у токарного станка в мастерской училища, вытачивал эти миниатюрные и сложные детали. Мы же стояли позади него и заворожено смотрели и любовались, как вьется тонкая стружка из-под резца, направляемого рукой великого мастера.

– Странно устроен человек! – произнес он однажды, не отрывая глаз от резца и как будто рассуждая про себя. – Для него, иногда, путь к несчастью кажется привлекательным.

Мы переглянулись. Всегда немногословный, Батя до этого, никогда не говорил загадками.

– Как так может быть?! – загалдели мы.

Батя выключил станок и, повернувшись к нам, улыбнулся. Улыбнулся той самой улыбкой, от которой всегда исходило родительское тепло и ощущение, что тебя погладили по голове.

– Вот многие из вас, я слышал, желают сразу же после окончания училища поступить в институт. А того не понимают, что хороший рабочий, мастер своего дела, во сто крат важнее посредственного инженера.

И он поделился мыслями, основанными на своем опыте и словах своего отца, о том, что все эти звездочки на погонах, дипломы и звания, должности и оклады – всего лишь способ казаться успешным, значительным или счастливым. В то время как горизонтальная карьера – это ступени профессионального мастерства. Умение делать то, чего другие не умеют. Это знания и умения, которые внутри человека, которые нельзя так быстро отобрать, как можно снять звездочки с погон. Многие из нас уже очень скоро осознали правоту его слов и были благодарны ему, что убереглись от ошибки.

Как я говорил, Батя был рачительным хозяином и даже скуповатым как считал наш завхоз. Но когда нужны были средства на наш досуг, а нас он считал своими детьми, то он иногда шёл на нарушение бухгалтерских инструкций, чтобы порадовать нас и отвлечь от дурных дел. Так однажды мы увидели у себя в общежитии телевизор, который в то небогатое время и в семье-то был необычайной редкостью. Я помню, как вечерами, забыв о бессмысленном времяпровождении, а иногда и небезобидном для окружающих, мы толпились у его экрана с расцвеченной пленкой, изготовленной нашими умельцами, которая создавала иллюзию цветной передачи. А духовой оркестр, а наша джаз группа и художественная самодеятельность, и технические кружки?! Здесь наш Батя не жалел денег. Его забота и участие в нашей юношеской жизни позволили многим «его детям» изменить судьбу, и они выбрали достойный человека путь!

Я прервался на минуту, вытянув затёкшие от долгого неподвижного сидения ноги. За окном автобуса было уже темно, и лишь впереди, будто бы перебегая дорогу, замелькали огоньки деревеньки, где меня ожидал друг. Нужно было собираться, но Аркаша с нетерпением ждал продолжения рассказа, и я поспешил продолжить:

– Родился ли наш Батя с талантом руководителя? Вероятнее всего, его действиями управлял выбранный им Путь. В пользу этого говорит такой факт. Как действует неопытный руководитель? Сначала он много думает над тем, какой приказ отдать. А уж после того как отдаст, развивает кипучую деятельность, чтобы обеспечить его выполнение. Опытный – вначале создаст условия для выполнения всякого своего приказа, а уж потом и не отдаст его вовсе, а лишь выскажет пожелание. Вот так руководил наш Батя. Вот один из примеров. Однажды он подал идею построить спортзал собственными силами, всем она показалась нереальной. Но он сказал, как обычно пристально с хитрым прищуром взглядываясь в лица: «А почему нет?! Мы ж его построим нашим детям. Документация уже готова». И всем сразу стало ясно, что, конечно же, все может прекрасно получиться. И посыпались предложения, что и когда конкретно нужно сделать. Дело пошло. И построили... В том спортзале тренировались мы – учащиеся, будущие

чемпионы республики. И когда потом напоминали ему об этой заслуге, он лишь смущенно улыбался, говоря, что он тут ни при чём, ведь строить-то помогали все. Вот таким нам запомнился наш Батя. Мы, его воспитанники, много хорошего переняли от него. И вот ведь как получается, несмотря на то, что его земной путь уже закончился, он до сих пор продолжает управлять нашими поступками, а также поступками тех, кто жил рядом с ним, как будто продолжая свой путь.

Я закончил рассказ. Мы подъезжали к остановке, двигатель утих, работая на холостых оборотах. Мои слушатели сидели в молча, видимо, раздумывая об услышанном и вспоминая свою жизнь.

– Жаль, что тебе не повстречались такие люди, как наш Батя, – сказал я Аркаше.

– Да, очень жаль, – сказал он, немного растягивая слова, всё ещё находясь под впечатлением от рассказа о Бате. И вдруг воскликнул: – Вот это был Человек! Как же его звали? – спохватившись, спросил он.

– Петр Анисимович! – с гордостью за своего Батю ответил я.

Автобус плавно затормозил и остановился. Это была моя остановка. Аркадий молча протянул мне руку. И затем, словно опомнившись, попросил номер моего телефона. Я дал свою визитку и, пожимая его руку, обратил внимание на то, какая она еще по-детски хрупкая. Попрощался я и с остальными не спящими спутниками.

– Я обязательно найду его! Я найду свой путь, и тогда мы встретимся! – горячо прошептал Аркаша, прощаясь и пряча в нагрудный карман визитку с моим номером телефона.

Водитель нетерпеливо посигналил, и я быстро вышел, на ходу громко произнеся:

– Я верю в тебя, Аркаша!

Автобус тронулся, и вскоре огоньки его задних фонарей исчезли, оборвав ту ниточку, которая еще связывала меня с людьми, находящимися в нём. Но образ Аркаши с его поломанной судьбой врезался в память и стоял перед глазами. Мне было грустно и тревожно. «Нет, он не должен больше плутать в нашей полной невзгод жизни. Я помогу ему, и когда нужно будет, подставлю своё плечо», – решил я, и на душе стало легко. По привычке, представил лицо Бати, и оно, словно в подтверждение правильности моего решения, озарилось той самой улыбкой, которая всегда поддерживала и ободряла нас в юности, и тихая радость от правильно принятого решения разлилась у меня в душе.

Виола

Окутанный вдали седым туманом Байкал, будто недовольный чем-то, шумел. Набегающие на берег волны с белыми в завитках, как у барашка гребни, с неистовым желанием стремясь как можно дальше захватить полоску суши. Лизнув большие гранитные глыбы, торчащие из-под воды, и, теряя силу, они неторопливо по песчаной отмели откатывались назад. Небо хмуρο нависло над этой волнующейся водной громадой, видно недовольное внезапным изменением ещё недавно зеркальной глади. И только иногда через разорванные ветром клочья этого серого покрывала прорывался свет, чтобы подать надежду на скорое изменение погоды, когда вновь вернутся тишь и тепло.

В метрах десяти от кромки берега, где начинался ивовый кустарник, а за ним стояли высокие стройные сосны вперемешку с такими же стройными березами, величаво покачивающимися при порывах ветра своими кудрявыми макушками, потрескивая, горел костёр. Старик с окладистой бородой насторожено наблюдал за подъехавшим к костру человеком. Прибывший, современно одетый мужчина попросив разрешение, опустил на землю. Протянув руки к костру, он в задумчивости стал смотреть на огонь. В этот момент от внимательного взгляда не ускользнула скрытая в глазах молодого мужчины горечь страдания, и она сильно тронула старика.

Вечерело. Ветер усилился. Огонь костра метался, отражаясь на припаркованном невдалеке поблёскивающим лаком внедорожнике и выдавшей виды палатке. Старик заглянул в неё, вытащил небольшой поношенный, как и палатка, рюкзачок и, старательно начал перебирать содержимое. Молчание незнакомца затянулось. Наконец, словно очнувшись от тревоживших его мыслей, мужчина обратился к старику:

– Отец, ты прости, что я нарушил твой покой. Понимаешь, не знаю – куда мне дальше держать путь.

– Мил человек, ты заблудился?

– Заблудился, отец, очень даже заблудился.

– Да тут недалече деревня, куда на ночь глядя-то ехать, переночуешь у моего племянника, а завтра он и путь-дорогу тебе укажет.

– Да, если бы это было возможно, отец, – горько усмехнувшись, проговорил мужчина.

– Да отчего же невозможно! – удивлённо взглянув из-под нависших бровей, спросил старик.

– Отец, у каждого человека своя дорога, по которой он идет, идет, имея цель, идёт с надеждой, что достигнет того, что является наградой за его терпение. Я всегда верил в это. Да только это не всегда так бывает. Вот я достиг пункта назначения, и что же? Меня постигло такое разочарование, что, кажется, жизнь потеряла смысл... Оказывается силы, которые я потратил на преодоление всех препятствий на моём пути... всё зря, всё зря! – с отчаянием воскликнул мужчина.

Он вскочил и, отдалившись на несколько шагов, остановился. Старик разглядел, в сгущающихся сумерках дернулись плечи собеседника, и ему показалось, что он услышал детский всхлип. Старик вздрогнул, как будто его внезапно ударили плетью, и необъяснимая тревога сжала грудь и печалью отразилась на морщинистом лице старика. Он готов был обнять и утешить этого незнакомого страдающего человека, но не осмелился.

Костёр догорал и уже белым пеплом начали покрываться ещё алые горящие угли. Старик привстал со своей лежанки из берёзовых веток, дотянулся до приготовленного для костра валежника и подбросил несколько веток. Вскоре едва видимый огонь, раздуваемый усилившимся ветерком, ярко вспыхнул на миг осветил фигуру одиноко стоявшего в раздумье чело-

века, затем пламя костра задрожало и заметалось во все стороны, будто исполняя какой-то страстный радостный танец.

– Мил человек, подходи к костру. Вот мы сейчас вскипятим чайку и картошку в костре спечём. – ласково позвал старик. – Ты наверно не привык к такой еде, а я вот всегда ей рад.

– Печёная в костре картошка как я соскучился по ней! – вдруг оживлено произнёс, подходя к костру мужчина. – Картошка! – повторил он, и лицо его теперь осветилось открытой улыбкой. – Она в своё время, когда я учился в институте, помогла мне выжить.

– Ну, коли так, то мы одного поля ягода. Давай будем знакомиться, – в ответ широко улыбнулся старик. – Меня все зовут Михеичем, по отчеству, стало быть. Зови и ты меня так.

– А я, отец, Костя.

– Вот и ладно. Познакомились, стало быть. Возьми-ка бушлатик! Племянничек подарил после прихода из армии, – пояснил Михеич. – Земля-то хошь и лето, а холодноватая. Враз заболеть можно.

Михеич немного сдвинул опять затухающий костёр и, разложив несколько картофелин в ряд, засыпал их пеплом и тлеющими углями. Повесив на треногу котелок, заранее наполненный байкальской водой, набранной, когда озеро ещё было спокойным, подкинул под него несколько сухих сучьев. Костёр быстро разгорелся и пламя, повинувшись порыву ветра, изменяющему направление, всё норовил облизать сидящих рядом с костром людей.

– Экий баловник, – весело и добродушно произнёс старик, отодвигаясь от костра. – Ну, ну не балуй!

Костя впервые с интересом взглянул на старика. Серые немного выцветшие, но для его возраста необычайно живые глаза того, светились как в молодости. Окладистая седая борода на продолговатом лице гармонировала с его внешностью, внушала уважение и располагала к откровенному общению. И повинувшись вдруг возникшему острому желанию выговориться, освободить душу от груза пережитого, Костя словно боясь, что через мгновение он не сможет это сделать торопливо начал:

– Я полюбил ее, ещё учась в школе в одном с ней классе. И имя у неё было необычное – Виола. Мне нравился её задорный смех, чёрные как угольки глаза, каждое её движение восхищало меня. Я всячески пытался понравиться ей, чтобы она обратила на меня внимание. Она же не хотела со мной общаться и даже посмеивалась, когда меня унижали более сильные физически одноклассники, доказывая ей своё превосходство. Я терпел, упорно стараясь доказать ей своей отличной учёбой, что достоин её внимания. Но всё было тщетно. – Он замолчал, горько усмехнувшись своей юношеской наивности, но через некоторое время продолжил, – после школы она вышла замуж за одного из них и переехала в другой город. Я же поступил в финансовый институт, а окончив его, вскоре, пошёл по карьерной лестнице в банке и, достигнув вершины, открыл своё дело, где тоже преуспел. И всё что я ни делал, всё делалось ради неё, чтобы доказать ей, а ещё более себе, что я что-то значу. Эта мысль многократно приходящая мне в голову внедрилась в моё подсознание и затем определяла моё дальнейшее поведение, желание и стремление. За всё время что мы не встречались её образ не угасал, а в тех мечтах, которые наполняли моё воображение я видел, что, несмотря на все преграды, которые мне придётся преодолеть, она будет моей. Прошло несколько лет, след её потерялся, но я не терял веры в нашу встречу и старался хоть что-нибудь выяснить об её судьбе, однако все усилия оказывались тщетными.

– Эка, брат беда! – с участием произнёс Михеич, – стало быть, ты так её и встретил?

– Если бы так! – отчего-то горестно воскликнул Костя. – Тут вмешался его величество случай. Однажды я по делам фирмы был в командировке в городе N. Остановился как всегда в лучшем номере гостинице. Знаешь, отец, к таким постояльцам всегда повышенный интерес всяких проходимцев. Кстати, это мерзкие люди, у которых за душой ничего святого не осталось. Вот один из таких и предложил мне женщин по вызову, разложив на столике их фотогра-

фии. Обычно я таких сразу гоню, но тут что-то заставило бегло пробежать по ним взглядом. Сердце так затрепетало, что я опустился на стул, не в силах стоять. С фотографии на меня смотрели глаза Виолы. И даже если б не видел её глаз, то по своеобразному наклону головы и фигуре я бы узнал её.

– Ишь ты! – выдохнул Михеич, – надо же случиться такому горю.

– Да, отец, это была она. Сутенер, увидев, которая из фотографий привлекла моё внимание, одобрительно хмыкнул, пояснив, что это новенькая и наилучшая из его коллекции. От этих слов у меня всё заклокотало внутри, и я готов был убить его тут же, но быстро взял себя в руки и едва сдерживаясь, произнёс, что я хочу, чтобы она была здесь немедленно. Когда этот мерзкий человечиска вышел, дрожь нетерпения от предстоящей встречи с Виолой колотила меня. Немного успокоившись, я прилёг на кровать, и тут же меня начал мучить вопрос – какая катастрофа произошла с ней, что вынудило её заняться такой гадкой профессией. Я ждал её прихода. Время тянулось мучительно долго. Прошёл час, но мне казалось, что прошла целая вечность. Наконец в дверь постучали, и вошла она, уже мало похожая на ту девчонку, которую я так любил. Это была женщина с нездорово-желтым цветом лица, но и сейчас ещё прекрасными когда-то озорными, а сейчас задумчивыми черными глазами. Тот огонь, горевший в ней в юности, теперь казался потушенным или где-то далеко припрятанным. Она скользнула по мне взглядом и спросила, может ли она принять душ. Я был так поражён произошедшей с ней переменой, что не смог сразу ответить. Она недоумевающе и пристально посмотрела на меня, и вдруг на её щеках вспыхнул румянец, а затем по лицу разлилась краска. Я понял, Виола узнала меня. Плечи её вздрогнули, а из глаз неудержимо покатились слёзы, ноги стали подкашиваться и она медленно стала оседать. Я с тревогой поспешил к ней и бережно усадил в кресло. «Это ты, – прошептала она с нескрываемым смятением. – Решил отомстить мне за то, что когда-то я смеялась над тобой!». Нет, вскричал я! Никогда, слышишь, Виола, никогда такая бредовая мысль не приходила мне в голову, и даже если ты сейчас прогонишь меня, я не буду этого делать! Более того и другим не позволю плохо относиться к тебе. Позволь мне лишь помочь тебе вернуться к нормальной жизни! Видит Бог, я ничего для этого не пожалею. Вместе мы всё поправим. Мои слова привели в замешательство и ещё больше взволновали её, и она плакала уже навзрыд, уткнувшись в подлокотник кресла. Я присел рядом на корточки и, как мог, успокаивал, поглаживая её волнистые волосы. Виола ещё долго не могла успокоиться, сквозь рыдания рассказывая о своей в последнее время полной драматизма жизни. Я же был безмерно счастлив от того, что она рядом со мной, и я могу дотронуться до её дивных волос источающих чудесный запах, прикоснуться к её рукам, плечам.

Лицо Кости преобразилось, глаза загорелись юношеской восторженностью, красивая улыбка обнажила ровный ряд зубов необыкновенной белизны. Но неожиданно он опять впал в печальную задумчивость. Михеича поразила такая перемена настроения Кости. Он внимательно слушавший монолог Кости и ждавший продолжения повествования, вдруг вспомнив о пекущейся картошке, проворно вскочил и попавшей под руку хворостиной начал разгребать угли, выкатывая картофелины с уже подгоревшей кожурой.

– Вот старый хрен, – выругался он, – совсем забыл о ней.

Взяв одну из них, старик стал перекидывать с одной руки в другую при этом, остужая, он с шумом набирал воздух и дул на неё. Его усы топорщились из-за вытянутых губ, а широко открытые глаза сошлись к переносице. Всё это выглядело забавным и привлекло внимание Кости. Он, также, не дожидаясь пока остынет картошка, схватил одну и, обжёгшись, выронил.

– Э, видно, сынок, давно ты физическим трудом не занимался. Кожа-то у тебя на руках тонкая нежная, потому и не выдерживает такой температуры. На вот возьми-ка, уж остыла, – добродушно усмехаясь, протянул Михеич разломленный надвое картофель. А вот соль, лучок и хлеб – бери, доставая из сумки, предложил он.

Они, почти не разговаривая, поужинали, запив к тому времени приготовленным крепким чаем, разбавленным молоком. Михеичу не терпелось услышать конец истории произошедшей с Костей, но он терпеливо ждал, когда тот сам продолжит свою горестную исповедь.

– Михеич, ты прожил долгую жизнь, дай Бог тебе ещё прожить столько же, но можешь ли ты сказать, что есть женщина?

– Это ты к чему? – насторожившись, удивлённо спросил Михеич, но сообразив, что этот вопрос очень волнует Костю, прямодушно ответил, – Да кто ж их знает, сынок. Бабы они существа особые. Вот я со своей женой прожил свыше сорока лет, да так и не распознал. Ужо помирала, а всё тревожилась, кто обо мне заботиться будет, когда я бобылем останусь. Призвала даже свою подругу помоложе и безмужнюю и всё что-то ей толковала, стало быть, наказывала, как обихаживать меня. А ведь ещё надясь в гнев ворчала, что опостылел я ей за всю жизнь и всё такое. А тут... Вот сам и рассуди. – Старик, отвернувшись, украдкой смахнул слезу.

– Михеич, ты прости меня, что разбередил тебе душу, – извиняясь, сочувственно проговорил Костя, от внимания которого не ускользнуло неловкое движение старика.

– Да ты, Константин, в этом не виноват... Я ведь здесь частенько на берегу ночую. Тоска меня из дома гонит. А здесь... не четыре стены, простор вон какой. И опять же Байкал, он же живой – иногда пошумит, иногда так ласково коснётся ног, что впору и самому лаской ответить. Раньше я такого не замечал за собой, тапереча или остарел, или мне так кажется, что это во мне проявляется нерастроченная любовь к моей Глаше.

Старик подкинул в костёр толстые сучья, которые нехотя разгорались, то вспыхивая, то угасая. Наконец ветерок подхватил образовавшееся пламя и оно, извиваясь, вырвало из темноты фигуры двух сидящих собеседников, так не похожих ни по возрасту, ни по материальному достатку, но тонко чувствующих друг друга.

– Я, уверен, что жизнь каждого связана с любовью, – произнёс Костя и горестно добавил, – когда потеряна любовь, жизнь теряет смысл и хочется умереть.

– Паря, ты что-то не того! – покачал головой Михеич. – Откедова такие мысли, что могло с тобой произойти? – недоумевая, спросил он, подметив, как при последних словах, болезненно искривилось лицо Кости. – Ведь вроде ты был счастлив, когда встретил свою любовь – Виолу.

– Да это были минуты не испытываемого до той поры великого счастья. – Костя сдержанно улыбнулся и продолжил. – Она, продолжая всхлипывать, положила голову на моё плечо, и мне показалось, что если бы я не сдержал себя, Виола всецело была бы моей. Её возбуждающие соски выделялись под тонкой материей платья и касались моей руки, но я не хотел воспользоваться её минутной слабостью, потому что очень любил её. И чем дальше она рассказывала о своей жизни, тем быстрее моё животное чувство сменялось состраданием к ней. Выяснилось, что её счастливая семейная жизнь дала трещину из-за увлечения мужа азартной карточной игрой на деньги. Виола приложила много усилий, чтобы отвратить его от этой пагубной страсти. Только её любовь к мужу помогала ей, не опускать рук и продолжать борьбу за своё счастье. Трагедия разыгралась, когда муж лишился работы, и он стал проигрывать деньги, отложенные ими на покупку квартиры. Её небольшого заработка теперь едва хватало на еду. Однажды он пришёл домой весь избитый. Оказалось, он проиграл большую сумму денег и не смог в назначенный срок отдать. Проценты за просрочку увеличивали долг, и через некоторое время хозяин казино и гостиницы, в которой я снимал номер, заявил Виоле: или она отработывает за мужа долг, или его закатают под асфальт.

– Так я оказалась рабыней, – всё ещё всхлипывая, окончила Виола рассказ, стыдливо не поднимая глаз.

Я, наблюдая за её лицом, старался представить ту внутреннюю жизнь, которой она жила после произошедшей с ней трагедии. Эта жизнь показалась мне чудовищной.

– Я освобожу тебя от рабства, – решительно произнёс я, стараясь заглянуть в её опущенные глаза.

– Ты это сможешь сделать?! – воскликнула она недоверчиво, вскинув свои большие ресницы, под которыми, я увидел, вспыхнувшие живым блеском глаза.

– Да, да! Я сделаю это сейчас же, – горячась, проговорил я, и вызвал горничную, которая сообщила хозяину, что его хочет видеть постоялец из номера люкс.

Пока мы ожидали приход хозяина, я рассказал ей о своей жизни, о том, что только любовь к ней помогала мне преодолевать трудности. Виола с недоверием слушала моё признание. И мне это казалось досадным. Мысль о том, что те чувства, которые она испытывает ко мне, не обязательно должны быть схожими с моими к ней чувствами, показалась такой страшной, что я внезапно умолк. Молчала и она. Это неловкое молчание продолжалось до того мгновения, пока не пришёл хозяин гостиницы. Я попросил Виолу выйти на время переговоров и подойти часа через три. Разговор, который состоялся с человеком прилично одетым, но по всем его повадкам: хамству и наглости, свойственным бандюганам девяностых годов, мне вспоминать неприятно. Скажу только, этот подлый тип вел себя так, будто продавал какую-то дорогую вещь, которая в глазах других повышала его значимость. Не торгуясь, я заплатил в три раза больше, чем был долг мужа Виолы и был рад, когда перечислив деньги на счёт мерзавца, получил от него документ удостоверяющий погашение долга. Вечером появилась Виола. Вид у неё был взволнованный, глаза лихорадочно горели, на щеках разливался румянец.

– Костя, ты, вы, – не зная как обратиться, запинаясь, промолвила она, – договорились с ним?

– Да, Виола, успокойся! Теперь ты свободна. Я погасил ваш долг. Вот документ.

– Наконец-то! – вздохнула она с облегчением, – и почти выхватив его из моих рук, и глазами впиалась в его текст.

– Теперь я твоя раба! – неожиданно воскликнула она. – Или ты позволишь нам постепенно выплачивать долг? – спросила она с жеманной улыбкой, совсем не идущей к её лицу.

Такая её реакция смутила меня.

– Я сказал, Виола, что ты свободна и вольна сама распоряжаться своей судьбой. Этот документ твой.

– Вот и славненько! – прошептала она и стремительно приблизившись ко мне поцеловала меня в лоб. – Ты такой славный! Ты прости, что я доставила тебе когда-то столько страданий, молода была – глупа.

В этот момент её милое личико находилось так близко, что я потянулся к нему, чтобы поцеловать её губы, но она испугано отскочила, вскричав:

– Ты же сказал, что я свободна!

– Да, – подтвердил я. – Это был бы только невинный поцелуй. Думаю я заслужил его, – уже смущаясь, пролепетал я.

– Дай я тебя сама поцелую, – капризно скривив губы, горячо прошептала она.

Это был поцелуй, о котором я мечтал с тех пор, когда её впервые увидел. Прикосновение нежных губ Виолы я чувствую и сейчас. То был долгий страстный поцелуй, от которого всё моё тело затрепетало. Она почувствовала это и, отстраняясь, удивлённо и ласково произнесла: « Чудной ты!».

– Я люблю тебя, стань моей женой! – чувствуя прилив решительности, воскликнул я, заглядывая ей в глаза и привлекая её к себе.

– Что ты! – испуганно опустив глаза, вымолвила Виола, не пытаясь освободиться от моих объятий. – Я же замужем!

– Какой же он тебе муж, если позволил сотворить с тобой такое! – с негодованием воскликнул я.

– Но я его люблю! – почти выкрикнула Виола, вырываясь из моих объятий.

– Как можно любить человека, который не знает что такое мужская честь! – возмущённо возразил я. – Ты просто жалеешь его, а он пренебрёг тобой, когда встал вопрос о его никчёмной жизни. Разве ты не достойна лучшего!?

– Лучшего! Это конечно вас, произнесла она холодно. – Как вы можете судить о человеке по одному лишь неблагоприятному проступку. Саша славный, а то, что с ним случилось это не столько его вина, сколько наша с ним беда. Да, он хотел тогда покончить с собой, только я ему не позволила. Очень жаль, что в вас говорит эгоизм... Вас съедает месть за его проказы по отношению к вам. Да вы просто мстите!

Я видел, как выражение её прекрасного лица сменилось от холодного до неприязненного. Красиво выписанный небольшой рот, по углам чуть опущенный, искривился презрительной усмешкой. Я пытался следить за ходом её мысли, чтобы возразить, но свершившаяся в ней перемена и какое-то от этого неприятное чувство защемило мне сердце, и не давало сосредоточиться.

– Я поверила тебе, что ты меня любишь, а ты просто добиваешься моей любви, используя деньги. Чем ты лучше его! – как бы издали донеслось до меня. – Ведь у него в отличие от тебя просто в то время не хватило характера, чтобы преодолеть пагубную страсть.

– Человек без характера, что тростник на ветру, куда ветер дует туда он и гнётся, – защищаясь, холодно возразил я, чем ещё больше усилил гнев Виолы.

Она как пантера защищающая своего детёныша готова была наброситься на меня. Я, понял, что своей настойчивостью разрушаю недавно установившиеся между нами близкие отношения, и, пересилив себя, улыбнувшись кроткою и доброю улыбкой, примирительно произнёс:

– Милая моя Виола, я вероятно в чём-то не прав. Не мне судить твоего мужа, ты его знаешь лучше. Хочу лишь попросить тебя, успокоившись, обдумать моё предложение. Я буду ждать ответа до утра. Я сознаю, что у тебя может и должна быть своя особенная жизнь, но мне хотелось бы, чтобы она сложилась счастливо. Я люблю тебя, но не желаю, чтоб моя настойчивость принуждала тебя лгать и притворяться, что было бы так противно твоей натуре.

Виола подняла на меня глаза, и я почувствовал, что она в этот момент, как было в юности, чувствовала своё превосходство надо мной, несмотря на своё возможно гибельное положение. Она, молча, резко повернулась, я увидел как всколыхнулась её грудь, и пошла к выходу. Я же не мог оторвать взгляда от её восхитительно-возбуждающей фигуры. Всю ночь я ходил по комнате, то надеясь на положительный от неё ответ, то теряя уверенность, в отчаянии ложился на кровать, чтобы успокоить моё колотившееся сердце. Вспоминая до мельчайших подробностей наш разговор, я поймал себя на мысли, что Виола при разговоре отыскивала во всём поводы к негодованию, чтобы не попасть в плен моих чувств, время от времени пробивавших тропинку к её сердцу. И она преуспела в этом. Последний её взгляд подтверждал мою мысль. И всё же надежда на желанные ответные её чувства ко мне не умирала. Утомлённый переживаниями я кратковременно уснул, когда уже рассеянный свет начал пробиваться сквозь окно.

Рассвело, и я с нетерпением ждал её прихода. Наконец в дверь номера постучали. Я вскочил с постели и кинулся навстречу повторяя:

– Да, да! Входите!

Дверь приоткрылась и вошла горничная, протягивая мне почтовый конверт. В замешательстве я отступил и глухо произнёс:

– От кого!

– Это от женщины, которая вчера была у вас в номере, – испуганная моим видом, тихо прошептала она.

Я выхватил письмо из её подрагивающих рук, и попросил меня больше не тревожить. С нарастающей тревогой и нетерпением вскрыл конверт и достал небольшой лист бумаги, пахнущий духами Виолы и исписанный красивым почерком.

Милый Костя! – писала она, – я не в силах встретиться с вами вновь. Слишком тяжело было бы видеть как ты, – слово вы было зачёркнуто и написано ты, – отнесёшься к моему отрицательному ответу на твоё предложение. Но ты должен понять, что если бы я на него согласилась – это было бы для нас троих катастрофой. Я тебя не люблю, и наверно не смогу полюбить, а притворяться, как ты сам подметил, я не могу. Всю жизнь буду помнить, что ты для меня сделал, и молиться за тебя. Прощай и прости. Виола.

Я прочитал письмо несколько раз пытаюсь обнаружить между строк хоть лучик призрачной надежды, подпитывающий в дальнейшем мои жизненные силы, но всё было тщетно. Мои надежды рухнули. Я почувствовал полное душевное опустошение, ведь всё, что я добился в жизни за эти годы, было достигнуто благодаря моей страстной любви к Виоле и этой надежде. Я не помню сколько времени я мчался на машине, рискуя разбиться, но Бог хранил меня, возможно благодаря молитве Виолы. Какая-то сила управляла мной и привела меня сюда.

Михеич, внимательно слушавший Костю и лишь изредка подбрасывающий в костёр валежник, в проблесках огня видел, как лицо Кости то озарялось мучительной улыбкой, то нервно подёргивалось и темнело.

– Как мне теперь жить, Михеич? Я потерял путеводную звезду, которая освещала мне мою дорогу.

– Не оглядывайся назад, сынок! У тебя ещё всё впереди. Дорога, которую ты прошёл, ушла в прошлое. Ну а звезда, её лишь на мгновение заслонили облака. Вскоре она вновь появится, чтобы осветить тебе уже новую дорогу... – Михеич, помолчав, отечески улыбнулся и продолжил, – мой дед, неграмотный крестьянин, говаривал, когда я по молодости испытывал страдания: «не печалься, внучок, горький опыт – хороший учитель, к тому же не познав горести, не познаешь и радости». Мудрый был человек, царство ему небесного. Каждый человек приходит на землю, исполнить что-то своё. Ты молод, умён и чист душой, а это черты порядочного человека, для которого всегда найдутся достойные дела и под стать им спутники.

– Ты прав, Михеич! – воскликнул Костя, внимательно выслушавший рассуждения старика. – Ты прав! – радостно повторил он. – Вот она простая философия жизни. Ведь как всё просто!

Забрезжил рассвет. Ветер стих, прибой ещё шумел, но вскоре и он смолкнул. Водная гладь манила к себе и позволяла заглянуть сквозь её прозрачность на чётко видимое песчаное дно, усеянное множеством таинственных валунов и разноцветных камней. У людей, как и в природе – после грозы наступает очищение во всём, особенно в душах. Острота переживаний Кости ушла безвозвратно, и он повеселел. Он почувствовал прилив жизненных сил, как чувствует больной после длительной болезни. Путь домой казался желанным и радостным. «Как хорошо, – размышлял он, – что провидение привело меня именно к Михеичу. Какой замечательный человек! – И вспоминая разговор с ним, неожиданно для себя сделал вывод: – всё хорошо в таком виде, как оно существует, и если приходится переживать невзгоды, то, что же?... Это жизнь!

Воля к жизни и любовь

1

– Вот ты говоришь – любовь, а знаешь ли ты, что любовь это временное оглушение нашего разума?

– Ну, дядя Петя, ты что?! Ну, ты даешь! – удивленно промолвил молодой парень, взглянув на уже отмеченного сединой мужчину.

Разговор происходил в машине, уже давно поднимающейся в гору, и казалось, не было конца этому подъёму. Один край грунтовой дороги прижимался к как бы подрубленной и еще выше поднимающейся горе, а другой был склоном, круто уходящим вниз. Оба склона были покрыты густо росшими высокими соснами и кедрами. Вдоль дороги плотно расположились вперемежку тонкие березки и осины, как бы ограждая от проникновения человека в глубь леса. Предосенняя природа вокруг казалась красивой и загадочной, но как и всякая красота, которая в излишке, со временем утомляла. Мотор мерно гудел, отчего клонило ко сну, и чтобы не заснуть, Мишка рассказывал о том, как его друг недавно внезапно влюбился в девушку, которую встретил на дискотеке. По словам друга, выходило, что именно о такой невесте он всегда и мечтал, а те, которые были у него до неё, ему только нравились.

– Дядь Петь, ты представляешь, – удивлено говорил Мишка, – он стал не похож на самого себя прежнего. Раньше он непристойно отзывался обо всех особах женского пола, а теперь ходит и улыбается им, словно они его одарили подарками. Вот что любовь делает! – восторженно закончил Мишка.

Петр, слегка придерживая «баранку», молча слушал рассказ своего напарника и усмехался в усы, но когда тот произнес слово любовь, всё же не удержался:

– Да, Мишка, я утверждаю, что это так. – Искоса взглянув на него и увидев удивлённое и недоверчивое выражение лица Мишки, подтвердил Петр, и улыбка исчезла с его лица.

– Услышала бы тетка Маша то, что ты сейчас сказал, – уже с язвительной улыбкой протянул Мишка. – Она бы...

– Ну-ну, что бы она сделала?!

Мишка смущенно молчал.

– Эх, молодой ты, Михаил! В этом твой плюс и минус, так как энергии много, а опыта жизненного мало.

– Да что я, не вижу, как вы друг с другом общаетесь? – спросил Мишка, обиженно насупившись.

– Да ты не обижайся, парень, а послушай, что я тебе расскажу.

Но в это время мотор чихнул и заглох, а тяжело груженная лесом-долготьем машина стала медленно сползать назад. Петр резко нажал на тормоз. Пыхнул, выходя из магистрали, воздух, и жалобно взвизгнули тормозные колодки.

– Вот, раскудри-кудрявая! – выругался Пётр и приказал Мишке срочно найти камни и подложить их под задние колеса. – Да знак аварийной остановки не забудь поставить! На всякий случай! – крикнул он вдогонку.

Мишка только кивнул головой и побежал искать подходящие камни, которые еще валялись на обочине после недавнего завершения строительства дороги. Мишка был проворный паренек, и когда прежний напарник Петра ушел на пенсию, Пётр выбрал именно его за веселый нрав и расторопность. Мишка не походил на ту молодежь, что выбрила свои головы и подражала героям кинобоевиков, наводнившим телевидение и кинозалы. Помогая одинокой матери, маленьким сестре и двум братьям, он рано познал труд и нисколько им не тяготился. В свободное же время с друзьями бегал на дискотеку, выпивал с ними, но никто его не видел пьяным. Зато все знавшие его отмечали в нем доброту и юмор. Его юмор был не злобный и не ранил самолюбие тех, над кем он шутил.

– Ты посмотри, что делают, совести у людей не стало! – ругался Петр, продувая карбюратор и систему подачи бензина. – Ладно, что второй бак залил на другой заправке, где знакомая заправщица.

– Дядь Петь, а что заправщица-то, не Галка ли?.. Такая рыженькая?

– Она, а что? – Петр подозрительно взглянул на Мишку.

– Да симпатичная она! Давно с ней хотел познакомиться, да не получается как-то. Она почему-то с тобой больше разговаривает. – Мишка по-детски горестно вздохнул, и карие глаза его на миг стали печальными. Он машинально прикоснулся к носу тыльной стороной грязной ладони, отчего измазал его.

– Да, девка она хорошая, не то, что нынешние, вертихвостки, – произнёс Петр одобрительно. Он давно уже приметил, как Галя опускает вдруг радостью вспыхнувшие глаза при появлении Мишки. – Ладно, в следующий раз тебя обязательно с ней познакомлю. Ну вот... кажись всё. Переключайся на резервный бак.

Мишка переключился на резервный бак и деловито простучал его. Бак был доверху наполнен бензином. Затем он немного отвернул пробку перекрытого бака, и из него закапала жидкость. Мишка потер её пальцами, понюхал и даже лизнул. Сомнения не осталось – это была вода, и он вывернул пробку. По дороге заструился маленький ручеек. «И как он мог сразу определить, что причина остановки двигателя в этом!» – восхищенно подумал Мишка о своем напарнике.

После третьей попытки мотор завелся и заработал мягко и без перебоев. Петр, довольный, улыбнулся: так отрегулировать работу двигателя на предприятии, в котором проработал лет десять, мог лишь он. Когда камни и аварийный сигнал были водворены на прежнее место, машина тронулась вновь в гору. Вечерело. Тени от деревьев и кустарников ложились на дорогу, скрывая выбоины, поэтому скорость продвижения упала.

– Ну что, Мишка, доберемся до перевала и заночуем, – как бы угадав его мысли, сказал Петр. – Да и нос свой грязный отмоешь, а то бурундуки, и те смеяться будут, – улыбаясь, добавил он.

– Бурундуки-то ладно. Медведь бы не захохотал, – весело ответил Мишка, взглянув в зеркало заднего вида. – Мне рассказывали, несколько лет тому назад один водитель отошел в том месте в кусты по нужде, а там недалеко медведь, малиной, видно, питался. Он так рывкнул, что тот ломанулся в гору через бурелом, придерживая руками штаны, застегнуть-то не успел. А потом они с напарником ещё километра три мчались на машине от того места. И вот когда только отъехали и пришли в себя, напарник и стал посмеиваться над беднягой. Говорит, что-то в кабине чем-то пахнет. – Мишка расхохотался, вновь, как всегда, вообразив всю эту картину.

Петр помнил этот случай. После него они чуть не рассорились с другом, который и без того перенес стресс, а когда об этой истории узнали другие, они впервые поругались. Поэтому с тех пор Петр не любил вспоминать об этом.

– Если не лезть на его территорию и ночевать с костром, то ничего подобного не случится, – хмуро заметил он.

– Дядь Петь, а что ты стал таким серьезным? Неужто ты был один из них? – задорно спросил Мишка, и, не удержавшись, прыснул от смеха, представив, как дядя Петя удирает от медведя.

Не выдержал и Петр, заулыбался, поглядывая на простодушное лицо Мишки с хитрющими глазами, но не ответил.

Доехали до перевала. Солнце уже заходило за синеющие хребты гор. Ближе к обочине дороги поставили машину, надежно подперли колеса камнями и включили стояночные огни. Невдалеке, на маленькой площадке, отгороженной от дороги кустарником с привязанными к веткам разноцветными ленточками, развели костер. Наготовили на ночь сучья, разогрели

еду и сели перекусить. Погода стояла тихая, безветренная, но от леса, темнеющего с каждой минутой, тянуло сыростью и прохладой.

Насытившись, оба напарника улеглись рядом с костром, вытянув уставшие за день от сидячего положения ноги.

– Дядя Петя, ты мне хотел что-то рассказать, – напомнил Мишка, потягиваясь.

– О чём, Мишка?

– Да про любовь.

– Вернее, про её отсутствие, – насмешливо возразил Петр. – Дак вот. Был я тогда, Миша, такого возраста, что и ты. Отслужил в армии, вернулся домой. Многие друзья к тому времени женились, и кое-кто уже успел развестись. Я про себя посмеивался над ними. «Вот, – думал я, – с бухты-барухты женятся, а потом разводятся. Я же женюсь только тогда, когда девушка будет удовлетворять всем моим условиям для семейной жизни». Да молодой был, – повторил Петр, усмехнувшись, и продолжил: – самонадеянный. Ну, как ты сейчас! И судьба подшутила надо мной... Однажды я встретил такую красавицу, которая заставила забыть обо всех моих намереньях. Мне сдавалось и дня прожить невозможно, не увидев

её, так она была мне по душе. Она была статная, хрупкая, прекрасно сложена, с изумительно белой шеей и плечами. Словом, влюбился я в нее без памяти. Казалось, и минуты не мог, не видя её, прожить.

– А ты, дядь Петь, говорил, что любви нет, – насмешливо проронил Мишка, покусывая травинку и видя, как от этих воспоминаний загорелись глаза напарника.

– Да ты не торопись, Миша, делать выводы-то. Вот и я тогда также быстро решил, что это любовь, а любимая и есть моя половина, а вместе мы одно целое, которое не в силах никто нарушить... Дело шло к свадьбе. Лишь отец как-то раз намекнул мне как бы невзначай, когда я расхваливал свою невесту, дескать, в молодости смотрят на красоту, а в старости на доброту, да перечить моему решению не стал. Но как-то раз я стал невольным свидетелем того, что сняло пелену с моих глаз, и мои дальнейшие отношения с Натальей, так её звали, переменялись.

Петр горько усмехнулся воспоминаниям и взглянул на Мишку, который внимательно, повернувшись на бок, слушал его, не отводя глаз от костра, как будто в его пламени рисовалась картина рассказа.

– А произошло это так, – продолжил Петр. – Как-то, отпросившись пораньше с работы, я купил цветы и пошел к будущей невесте делать предложение. Подходя к ее дому, я решил заглянуть в окно, которое было распахнуто, и из него слышался нежный бархатный голосок. То, что я увидел, привело меня в восторг и на душу пролилось что-то теплое и приятное. Моя невеста сидела на диване и играла с котенком. Ее лицо светилось счастьем и лучилось нежностью. Я залюбовался ею... Но вдруг она вскрикнула, видно, котенок в пылу игры выпустил коготки. То, что произошло дальше, мне помнится до сих пор. Я увидел, как вмиг переменялось ее такое всегда милое, красивое лицо. Его исказила гримаса злобы, глаза вспыхнули нехорошим огнем. Она с силой швырнула котенка от себя, отчего тот издал жалобный звук и затих... Остался ли он жив? Я не знаю, так как сразу же отпрянул от окна и пошел прочь, роняя цветы из букета. После этого под разными предлогами я перестал с ней встречаться, а затем и вовсе переехал на другое место жительства.

– И ты ее, дядь Петь, больше не встречал и не вспоминал? – спросил Мишка, возбужденный финалом истории, которую только что рассказал Петр.

– Нет... Слышал от отца, что она вышла замуж, и они с мужем хорошо живут. Ну и, как говорят, дай ей, Бог, счастье. А моя любовь сразу же тогда и прошла... А ты говоришь лю-бовь! – снова иронически повторил Петр, растягивая последнее слово, явно передразнивая Мишку.

Костер догорал, угли тлели, мерцая, как бы перемигиваясь между собой. Два человека внимательно вглядывались в них, словно искали ответы на волнующие вопросы. Очнувшись как бы от сна, Петр сказал:

– Мишка, отдыхать пора. Кто первым будет дежурить?

– Я, дядь Петь. Что-то не хочу спать. Сейчас еще на ночь сушняка натаскаю, а ты отдыхай.

Когда Мишка закончил заготовку дров, совсем стемнело. Петр спал, похрапывая во сне. Костер разгорелся, и отблески пламени плясали на вблизи стоящих деревьях и между ними. Свет и тень рисовали малопонятные картины, от которых у Мишки нехорошо скребло на душе. Невольно он перевел взгляд на костер и стал разглядывать, как пламя пожирает нетолстые хворостины. Скоро глаза его утомились и начали закрываться. Он всячески этому противился, но все-таки, как ни старался, веки его сомкнулись и Мишка заснул. Сон его был тревожный. Снилось ему девица с ужасными чертами лица, которая гналась за ним, а его ноги словно ватные не хотели передвигаться. Она вот-вот должна была схватить его, и Мишка проснулся. Он лежал мокрый от пота не открывая глаз, боясь наяву увидеть ту девицу. Наконец придя в себя и открыв глаза, он увидел догорающий костер и деревья в мягком свете луны. Мишка осторожно поднялся, чтобы не разбудить Петра, и подбросил сучья на угли, и они медленно разгорелись. В это время Петр зашевелился и, проснувшись, огляделся. Увидев сидящего Мишку, он посмотрел на часы.

– Мишка, что же ты меня не будешь?

– Да я, дядь Петь, еще не хочу спать, – ответил Мишка, краснея.

– Нет, нет. Давай поспи, утром поведешь машину.

Мишка долго ворочался, но, наконец, заснул. Когда Петр взглянул на него, на лице у Мишки блуждала улыбка. Петр полюбовался его детским выражением лица и, прикрыв его своей курткой, пошел к машине.

2

Утро настало с пением птиц. Мишка проснулся и, потягиваясь под теплой курткой напарника, увидел, как он разогревает вчерашнюю кашу, от которой вскоре распространился такой запах, что у Мишки потекли слюнки. Он вскочил и засуетился возле Петра.

Лучи солнца уже коснулись верхушек кедров, когда, прогрев машину, они тронулись в путь. Дорога круто спускалась вниз, и Мишка, не выключая скорости и слегка притормаживая, вел машину. Неожиданно перед концом спуска раздался отчетливый глухой стук в заднем мосту, и машина стала увеличивать скорость, несмотря на то, что двигатель уменьшил обороты до холостого хода. Мишка, растерявшись, резко надавил на педаль тормоза, отчего груженный прицеп занесло, и машина чуть не опрокинулась.

– Мишка! Понежней, понежней притормаживай... Вот, раскудри-кудрявая, полуось, наверно, срезало. Ты, как только машина начнет подниматься в гору, тормози, чем только можешь, хоть пяткой. Понял? – Петр ободряюще хлопнул его по плечу.

Мишка кивнул головой, и на его растерянном лице появилась виноватая улыбка, но сразу исчезла.

– Понял, дядь Петь, – и рука Мишки потянулась к ручному тормозу.

Машина остановилась в начале подъема как вкопанная, но Мишка все еще давил на педаль тормоза, пока это не заметил Петр.

– У тебя что, нога приклеилась к педали? – спросил он насмешливо.

– Тебе смешно, дядь Петь, а у меня до сих пор все дрожит, – ответил Мишка, снимая с педали действительно подрагивающую ногу.

– Ну, Мишка, невезучий день сегодня для нас! Ты случаем ночью не согрешил?

– Да ты что, дядь Петь, где же в тайге...

– Да и я не грешил. В чем же тогда причина, раскудри-кудрявая?

Петр выскочил из кабины и увидел, как с его стороны колесо, где находился задний мост, вышло чуть наружу. «Если бы это случилось раньше, – подумал он, – машину стащило бы под откос». Он посмотрел в ту сторону, и у него захолонуло сердце. Обычно лесистая часть вниз уходящего откоса была голой.

– Повезло нам, а то лететь бы пришлось далеко, – пробормотал он.

– Ты о чем там говоришь? – спросил Мишка.

– Спрашиваю, что делать-то будем? По нашей дороге теперь до понедельника никаких машин не будет. А потому у нас три варианта: первый – оставаться здесь и ждать возвращения через два дня рабочих на лесоучасток, а потом на их машине привезти запчасти, второй – идти до трассы по дороге пешком – 50 километров и ждать попутку, это те же два дня. И третий – если идти напрямую, через перевалы, вон в ту сторону, – Петр указал направление, – это приблизительно километров 15, – сэкономим целые сутки.

– Лучше, конечно, третий вариант, – с запальчивостью сказал Мишка.

– Ну, ну. Может, и лучше, – неуверенно промолвил Петр. – Надо же случиться такому, да именно в пятницу, когда вахта с рабочими еще вчера проехала домой! – всё не успокаивался Петр.

Делать было нечего, нужно было что-то решать. Интуиция подсказывала Петру, что не нужно рисковать. Эта кажущаяся близость – пройти через перевалы и выйти к трассе может оказаться иллюзорной надеждой. Но Мишке так хотелось завтра быть дома, чтобы скорее увидеть рыженькую Галку, что он смог уговорить Петра. Собрались быстро. В рюкзак сложили все съестные припасы, медицинскую аптечку, спички и половину в литровой пластиковой бутылке оставшегося утреннего чая. Петр вложил в ножны охотничий нож, а Мишка затолкал за ремень топор, всегда на всякий случай лежащий в кабине машины, и они тронулись в путь.

Надо было спуститься вниз. Склон был крутой, и трава скользила под ногами, словно лед. Приходилось, чтобы не скатиться вниз, цепляться руками за вросшие в землю валуны и булыжники. Чертыхаясь про себя, что согласился на такой безрассудный поступок, Петр медленно и осторожно сползал вниз. «Вот что значит быть молодым», – думал он с грустью о быстро прошедшей своей молодости, видя, как проворно спускается Мишка.

Мишка уже дожидался внизу, когда Петр поскользнулся и схватился за ближайший булыжник, который предательски сорвался с места и полетел вниз, ударив его по ноге. Сильная боль как будто пронзила ногу. Вскрикнув, Петр всё же прокричал Мишке: «Осторожно, камень!».

Охая, он продолжил спуск, но, спустившись, не смог опереться на ногу и потерял равновесие. Подбежав, Мишка поддержал падающего Петра.

– Дядь Петь, что с тобой? – его лицо, выражавшее детский испуг, рассмешило Петра, отчего на перекошенном от боли лице появилось подобие улыбки.

Мишка, увидев это, совсем растерялся, а Петр, пытаясь наступить на обе ноги, снова скривился от боли.

– Мишка, у меня что-то с ногой. Надо снять сапог.

Попытки снять сапог не увенчались успехом, дикая боль не давала даже пошевелить ногу. Пришлось резать его ножом, и как ни старался Мишка аккуратно это делать, Петр после этой процедуры сидел красный и мокрый, словно выскочил из парной.

– Вот, раскудри-кудрявая! – выругался Петр, осматривая распухшую ступню. – Или трещина, или перелом – не определишь. Давай, Миша, накладывай шины. Помнишь, как тебя учили на курсах водителя?

– А где их взять? – спросил, растерявшись, Мишка, оглядываясь вокруг.

– Ты возьми две хворостины по метру, да и счеши их до половины толщины – вот и будет две шины, а стянешь их бинтом. Он в аптечке, которую я на всякий случай взял... Ну, чёртов случай, раскудри-кудрявая! – с досадой закончил Петр.

Когда шины были наложены, Мишка засобирился идти, чтобы одному добраться до авто-трассы и скорее помочь Петру. Тот запретил ему это делать, объяснив, что для того, кто ни разу не ходил по тайге, это верная гибель. Но разве будут слушать молодые горячие и здоровые парни, когда им кажется что силы у них не меряно, да и голова работает неплохо. На все уговоры и запрет Мишка ответил:

– Да знаешь, дядь Петь, сколько раз в армии мы делали марш-броски при полной выкладке, и ничего – я выдерживал!

Он быстро соорудил шалаш и застлал его мягкими ветками кедра. Оставив Петру почти все продукты и аптечку, набрав для себя в бутылку студеной воды из горного ручья, от холода которой ломило зубы, и взяв нож с ножнами, Мишка чуть ли не бегом бросился в гору, стараясь как можно прямее и быстрее пройти первый перевал.

3

Время приблизилось к обеду. Петр сидел у ручья, опустив распухшую ногу в воду. Боль немного утихла, но опухоль не спадала, а тело начала бить мелкая дрожь. Он переполз к шалашу и попытался заснуть. И это ему удалось, наверно, в этом ему помог ручей, мелодично поющий свою песню. Проснулся он, когда уже вечерело. Туго обвернутая бинтами и зафиксированная самодельными шинами нога всё же ныла. Хотелось вновь поместить её в холодную воду, чтобы успокоить. Петру показалось, что вдалеке кто-то крикнул. Он прислушался. Но кроме журчания ручья и шуршания листьев осин и берез, ничего не услышал. Душе стало беспокойно. Продолжая вслушиваться в шум тайги, Петр на некоторое время забыл о боли. Нехорошее предчувствие, видно, сбывалось. Время шло. Нога снова заболела, но беспокойство за Мишку только усиливалось. «Мишка все же заблудился!». – с тоской подумал он. От этой мысли его словно обдало жаром, на время он даже перестал чувствовать боль в ноге.

– Может, я тороплюсь с выводом?! – говоря вслух, начал успокаивать он себя. – Возможно, Мишка просто не может договориться с водителями. Крюк-то большой, сюда и обратно – 100 километров, не каждый согласится ехать. Подожду до утра, – решил он.

Эти рассуждения немного успокоили его. И всё-таки он винил себя за то, что не сумел отговорить Мишку от безрассудного поступка. Морщась от боли, Петр подполз к ручью и, ополоснув лицо, набрал в бутылку воды. Затем он, сдерживая боль, опустил больную ногу в ручей и, замочив бинты, пополз обратно в шалаш. Когда он в него влез, уже стемнело. Холодный компресс немного успокоил боль. Спать не хотелось. С тоской Петр подумал о доме, в котором, конечно, жена уже обеспокоена его отсутствием, а дети резвятся, наслаждаясь визгом друг друга. И жена, и дети сейчас были вдали от него, но в этот миг он нутром почувствовал их близость, и от этого у него по душе разлилось тепло. Воспоминания вдруг нахлынули на него словно весеннее половодье, уводя от реальности его положения.

Марию он впервые увидел, демобилизовавшись из армии, на одном из тех бесчисленных вечеров, на которые его приглашали, и он не отказывался, изголодавшись по общению с женщинами. Там, на точке, где он служил, женщин он видел только на фотоснимках. Тогда Мария не произвела на него никакого впечатления. Не красавица на лицо, немного полноватая. Запомнились только её карие глаза, излучающие доброту, высокая грудь и, что он отметил тогда, во всём её облике ощущалась какая-то незащищённость. А здесь ещё случилась та история, о которой он рассказал Мишке, и он о Марии совершенно забыл. Впрочем, он с Марией и виделся-то всего один вечер, когда она приезжала к подруге. Второй раз он её встретил уже в районном центре, куда он бежал от первой любви. Оказалось, Мария работала медсестрой в том же автопредприятии, куда он устроился работать. То впечатление её незащищённости, которое показалось ему в тот раз, было обманчивым: из-за принципиальности её здесь побаивались все водители. Теперь они встречались часто; перед каждым рейсом он приходил к ней на медосмотр. Прошло полгода прежде чем Петр понял, хоть об этом ему давно уже твердил его друг, что Мария влюблена в него. А с некоторых пор он и сам стал примечать как нежно и, пряча глаза, брала она его руку, чтобы измерить давление, а потом с улыбкой провожала его взглядом, пожелав счастливого пути.

Жизнь холостяка с частыми гулянками закружила, завертела, и он не заметил, как потребность выпивать стала необходимостью. В первый раз, когда он в состоянии легкого похмелья пришел к ней на медосмотр, она с тревогой посмотрела ему прямо в глаза. Его смутил её испуг и укор этих карих глаз. Во второй раз в её глазах блеснули слезы, но штамп медосмотра в путёвку не был поставлен. За нарушение трудовой дисциплины его на три месяца перевели в слесари. Более месяца Петр избегал встреч с Марией, считая её виновной в этом, а если они внезапно встречались, – делал вид, что не замечает её. Между тем он всё более

увязал в болоте пьянства, даже его друг Виктор не мог уже на него повлиять. Да он и сам уже чувствовал, как глубоко погрузился во что-то вязкое неприятное, что облепило и сковало его. Сковало не только тело, но и мозги и самое же ужасное – волю. Оставался свободным только рот, через который он ещё мог пить, дышать и говорить, да глаза, посредством которых он ощущал весь ужас своего положения. Ему становилось страшно.

Начальник последний раз предупредил его об увольнении, если он не прекратит прогулы из-за пьянства. Казалось, жизнь кончена, потому что только работа ещё позволяла ему ощущать жизнь. Вспоминая сейчас это, его непроизвольно передернуло, как от чего-то чрезмерно кислого. Вот тогда-то и проявилась в поступках Марии вся её чистая и сильная к нему любовь и мужественный характер. Она договорилась с директором и, вытащив его из-за стола, за которым он снова сидел с собутыльниками, при виде её вдруг разбежавшимся, увезла к своей бабушке в глухую деревеньку. Там с помощью трав, о которых ведала бабуля, так шутливо он назвал её в день приезда, а через некоторое время произносил это слово уже с почтением, Петр лечился целый месяц. Не только травы бабули помогали ему в лечении, но и чистота души Марии. Они часто гуляли по лесу, любуясь красотой почти не тронутой человеком природы. Постепенно его душа оживала, появилось желание и стремление выбраться из того болота, в котором увяз. Потом появилась и сила воли, помогающая противостоять своей болезни. И рядом с ним всегда находилась она – Мария. Он замечал, как каждая его маленькая победа над болезнью радовала Марию, какими счастливыми становились её глаза, излучающие радость и доброту. Она все больше и больше ему нравилась, но он не испытывал к ней тех острых чувств, что когда-то испытал. И она не требовала от него этого. Однажды, гуляя по лесу, они наткнулись на два гриба, растущих рядом, а около них небольшие бугорки, накрытые хвоей.

– Посмотри, Петя! Здесь целое семейство!

– Какое же это семейство, когда двое, – возразил он.

– Петя, а ты приглядишься. Вон видишь, как эти двое укрыли своих детей от всяких напастей, пока они подрастут. – Мария осторожно приподняла хвою, под которой торчали три маленькие белобрысые головки молодых груздей.

– Маша, а давай поженимся, – внезапно произнес Петр, и, смутившись своих слов, только что навеянных нахлынувшими чувствами, покраснел.

Мария также не ожидала таких слов и тоже зарделась, но быстро взяла себя в руки.

– Петя, ты знаешь, конечно, что я люблю только тебя, люблю с того дня как тебя встретила, но я также знаю, что ты меня не любишь... И потому, милый, возможно, ты потом будешь мучиться и винить себя из-за сегодняшней минуты слабости. Давай не будем спешить... – И она с любовью заглянула ему в глаза.

Петр хотел возразить, но она остановила, нежно прикрыв ладошкой его губы. Ладошка её была необычайно мягкой, и от неё исходил едва уловимый запах хвои.

До конца проживания их в деревне больше они к этой теме не возвращались. Лишь перед отъездом, когда он благодарил бабулю за излечение, она попросила его задержаться и сказала: «Ты, Петр, женись на Марии, любит она тебя. Много лет я прожила на свете и знаю: со временем и ты полюбишь её». Петр ничего не ответил бабуле, только нежно обнял и трижды поцеловал её смуглое, изрезанное глубокими морщинами лицо, отчего та смутилась и поцеловала его в лоб. И уже на выходе его из избы, спешно, вслед, перекрестила.

Вернувшись в город, Петр и Мария встречались только вечерами: обычно ходили в кино, иногда на танцы. Петр больше не настаивал на своём предложении жениться. Правда, его бывшие собутыльники, посмеиваясь над ним, спрашивали: – когда на свадьбу-то позовёшь? Он беззлобно отшучивался:

– Когда водку пить бросите, тогда и позову.

– А мы уж давно её не пьём. Сейчас мы как интеллигенты перешли на вино, «Солнцедар» называется. Слышал? – спросил Федот, высокий тощий мужик, который на своё имя отзывался: «Федот, да не тот», а потому друзья присвоили ему кличку «Кошей».

– Нет.

– Темнота. В деревне совсем от культуры отстал. Про него поэты даже стишок сочинили: «не теряйте время даром – похмеляйтесь «Солнцедаром»! А вообще-то, с женьбой не торопись. Хочешь, я про этих жён анекдот расскажу? – и, не выслушав ответ, продолжил: – муж собирается на работу и спрашивает жену:

– Ты мой пиджак почистила?

– Да дорогой.

– А брюки?

– Разумеется дорогой.

– А ботинки?

– Что у тебя, милый, и там карманы есть?

Петр посмеялся со всеми, но участвовать в выпивке по случаю полочки решительно отказался.

Жизнь налаживалась, входила в своё русло. Петра снова восстановили водителем, и теперь он наслаждался своей любимой работой. Начальство стало выделять его из остальных и ставить в пример. Ничто не предвещало скверного поворота. Но жизнь есть жизнь, и его величество случай может всё изменить в хорошую или плохую сторону. Внезапно от сердечного приступа умер отец. Его смерть так поразила Петра, что на поминках он, не выдержав тяжести свалившегося горя, выпил за упокой его души и светлую память. Три дня промелькнули в полу-сознании. Зеленый змей подстерегает чаще всего свою жертву не в радостные минуты, а в моменты слабости и отчаяния. И вот он вновь оказался в его власти. Но если в первый раз Петр не мог поверить, что он стал алкоголиком, то в этот он с ужасом сознавал, что из этой трясины ему не выбраться. Он представил укоризненный взгляд Марии, и его словно обдало кипятком. «Надо освободиться от всего этого! Как?.. Где выход?.. Смерть, смерть! Вот что поможет мне. Надо как можно быстрее совершить самосуд над собой! – метались мысли в горячке. – Только бы скорее, скорее! Чем?.. Ружьё!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.